

**«СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ» ИВАНА ШМЕЛЁВА И
МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА (ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЦИТАТЫ)**

*В.А. Гавриков, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Брянский филиал, Брянск, Россия*

*Л.Г. Кихней, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия*

**IVAN SHMELEV'S AND MAXIMILIAN VOLOSHIN'S «THE SUN
OF THE DEAD» (THE HISTORY OF ONE QUOTE)**

*V. A. Gavrikov, Bryansk branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Bryansk, Russia*

*L.G. Kihney, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. В настоящей статье выдвигается гипотеза, которая может существенно скорректировать рецепцию довольно известного стихотворения, написанного Максимилианом Волошиным в 1925 году – речь идёт о семичастном тексте «Поэту» («Горн свой раздуй на горе...»). Гипотеза же настоящего исследования следующая: Волошин писал указанное произведение под впечатлением и по следам российской смуты 1917-1923 годов, в данном тексте запечатлен ряд мотивов, связанных с междоусобной бранью, однако выражены они имплицитно. Кроме того, скрытой видится здесь и национальная подоплёка, хотя стихотворение, на первый взгляд, кажется выполненным в «наднациональном регистре» и не на злобу дня.

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, Иван Шмелёв, Иван Бунин, Крым, русская революция, «солнце мёртвых», «Окаянные дни», Оноре де Бальзак.

Abstract. In this paper, a hypothesis that can significantly correct the reception is quite famous poem written by Maximilian Voloshin in 1925 - we are talking about sevenfold text «Poet» («Horn kindle on a hill...»). Hypothesis of this study as follows: Voloshin wrote the above work under the influence and in the wake of the Russian revolution, the number of text

imprinted motifs associated with sectarian abuse, but they are expressed implicitly. In addition, hidden here and seen national underlying reason, although the poem at first glance, seem to be satisfied «supranational register» and not on the topic of the day.

Key words: Maximilian Voloshin, Ivan Shmelev, Ivan Bunin, Crimea, Russian Revolution, «The sun of the dead» «Cursed Days», Honore de Balzac.

E-mail: yarosvettt@mail.ru , lgkihney@yandex.ru

Чтобы подступиться к некоторым фактам, которые косвенно указывают на жизнеспособность обозначенного подхода, необходимо бегло рассмотреть отношение «коктебельского мудреца и отшельника» (А. Белый) к Родине в целом и к объятой революционной стихией России, в частности. Волошина можно вполне назвать поэтом патриотической направленности, русская тема у него представляется одной из ключевых, только волошинский патриотизм – особый, без громогласного пафоса, пропущенный через общегуманистические идеалы поэта. Особенно это личностное, интимное чувство к родной земле обострилось в годы лихолетья: Гражданской войны, установления Советской власти. Как отмечает известный исследователь волошинского творчества С.Н. Пинаев: «Россия стала той Голгофой, на которую поэт “в годы лжи паденья и разрух” возносил свою жизнь и творчество» [5, с. 36].

Об образе России в творчестве Волошина можно было бы сказать словами Мандельштама, у которого они относятся к Богу: «Образ твой, мучительный и зыбкий...». Особенно семантика, связанная с болезнью, увяданием и страданием, оказалась востребованной для «русского текста» у Волошина в конце десятых – начале двадцатых годов. Однако и в целом образ страны, хотя и интимен, однако, как это ни парадоксально, в большей степени связан с пейоративными коннотациями. По крайней мере, это подтверждают специальные исследования: концепт Россия у Волошина «распространен следующими лингвокультурами, обозначающими признак: мучительно-бесформенное, безмерное, смутное, бескрайнее, тусклое, остуженное, белесое. Как показывает материал, данные характеристики

представляют цвет (тусклое, белесое), размеры (бескрайнее), дактильность (остуженное), этические нормы (мучительно-бесформенное, смутное). Все в целом, то есть, по всем параметрам создает достаточно гнетущий образ» [4, с. 868].

Большую роль в национальном самосознании Волошина играет и православие как мистическая сила, способная сплотить русский народ и помочь ему устоять во время исторических испытаний. В данном плане показателен хотя бы следующий поступок поэта: «Весной 1918 года, когда уже обозначилась перспектива гражданской войны, Волошин выступает со статьей, призывающий передать всю власть в России патриарху как гаранту национального примирения» [3, с. 135].

Второй очень важный момент, на котором необходимо остановиться, это отношение поэта к Гражданской войне. Здесь он занял позицию «над схваткой»: спасая от гибели и «красных», и «белых». При этом Волошин очень остро переживал трагические события, связанные с государственным переворотом и, в частности, с беспроцентном по жестокости «установлением советской власти» в Крыму. В этой связи достаточно вспомнить стихотворение «Красная Пасха».

Таким образом, в 1925 году память страшных лет была не просто жива, многие её следы всё ещё были перед глазами поэта. Поэтому не удивительно, что их печать ложилась и на тексты, с виду далёкие от современной проблематики. Особенно это показательно в двух последних частях стихотворения «Поэту», шестая представляет собой три строки, седьмая – две:

*В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы Любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемёт вещает о сущности братства, –*

*Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.*

Обратим внимание на единственный «анахронизм» этого в целом «не привязанного» к конкретному времени текста: пулемёт. Перед нами чёткий маркер, указывающий на недавние исторические события. Пулемёты, действующие по современным принципам, получили распространение только на стыке XIX – XX веков. Понятно, что в Гражданской они использовались повсеместно. Кстати, в «Красной Пасхе» встречается это же орудие: *«А по ночам стучали пулемёты, // Свистя, как бич, по мясу обнажённых»*. Причем в одном фрагменте явлены как нынешние времена, так и прошлые, когда для казни использовались бичи. Имплицитно здесь можно увидеть и христианскую тему, ведь самое известное в истории бичевание это, пожалуй, избиеание Иисуса Христа перед распятием. Показательно, что образ расстреливаемых из пулемёта в стихотворении «Поэту» также сопрягается – на сей раз эксплицитно – с образом Спасителя: *«В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога»*.

Ещё на тему революции работают встречающиеся в тексте Справедливость и братство – именно под их знамёнами чаще всего совершаются государственные перевороты. Обратим внимание, что Справедливость у Волошина – ослепшая. Конечно, это может быть отсылкой к известной фигуре древнегреческой богини Фемиды, антропоморфно воплощающей правосудие. Однако здесь всё-таки речь не о повязке на глазах, а именно о слепоте. Через фразеологизмы такой эпитет притягивает и другие ассоциации, в первую очередь, связанные с устойчивым сочетанием «слепая ярость». На неё же работают и следующие два слова: «меч обнажает». Реальная ли справедливость перед нами? Тот же вопрос актуален и в отношении Любви, спазмы которой, по слову Волошина, *«выворачивают народы»*. Ну и ещё очевиднее горькая ирония в следующей строке: *«пулемёт вещает о сущности братства»*.

Всякие вопросы в отношении того факта, что перед нами именно революционные мотивы – причём связанные с падением царской России –

снимает фрагмент из стихотворения «Ангел мщенья» 1906 года, которое было посвящено первой русской революции:

*Я напишу: «Завет мой – Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольётся страстный бред.
Меч справедливости – карающий и мстящий –
Отдам во власть толпе. И он в руках слепца
Сверкнёт стремительный, как молния разящий –
Им сын заколет мать, им дочь убьёт отца.*

Зная эти строки, можно с точностью понять и отношение автора к революции, и спроецировать это отношение на рассматриваемый – как бы не революционный – текст «Поэту». Сразу бросаются в глаза текстуальные переключки: в обоих текстах есть меч справедливости, есть беснующаяся толпа, есть мотив слепоты... По сути дела, части 6 и 7 суть масштабная автоцитата из «Ангела мщенья».

Итак, можно заключить, что произведение «Поэту» многими нитями связано с крымскими переживаниями Волошина, с теми картинами революционной Тавриды, что «прямым текстом» были запечатлены в стихотворениях «Красная Пасха», «Терминология», «Террор». Эти тексты по пафосу и трагическому накалу весьма близки шмелёвскому «Солнцу мёртвых», описывающему те же исторические реалии, только в прозе. Поэтому когда Волошин в своём стихотворении «Поэту» использует то же сочетание – солнце мёртвых – это может показаться прямым заимствованием. Приведём волошинские строки, составляющие третью часть произведения «Поэту»:

*Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мёртвых – живым – она намогильный камень.*

Здесь ещё один показательный образ – «живого мертвеца», так ярко воплощённый в произведении Шмелёва, где герои кажутся лишь

«летейскими тенями», вступающими в область смерти. Ещё одно совпадение?

Не может не возникнуть вопрос: мог ли Волошин знать о произведении Шмелёва, увидевшем свет в 1923 году? Не является ли образ «солнца мёртвых» из рассматриваемого стихотворения отсылкой к тексту одноимённой шмелёвской эпопеи?

В качестве косвенного свидетельства в пользу такой версии отметим и то, что начале 20-х годов Волошин имел сношение с зарубежьем. Те же крымские ужасы, согласно некоторым свидетельствам, были подробно – в прозе – описаны Волошиным и переданы его другу, жившему в Берлине, – профессору А.С. Яценко в 1923 году. Правда, эта многостраничная рукопись тогда же исчезла, однако есть целый ряд свидетельств о её реальности (см., например, воспоминания Р. Гуля [2]). В любом случае, волошинские контакты с границей в 20-е годы – налицо.

Получается, что после выхода в свет эпопеи Шмелёва до появления волошинского текста прошло около двух лет. Разумеется, пристальное внимание последнего к теме красного террора в Крыму могло стать поводом к тому, чтобы кто-то из эмигрантских кругов передал если не текст «Солнца мёртвых», то по крайней мере, сообщил Волошину о существовании такого произведения. Это могло вызвать определённую «ассоциативную детонацию».

Если копать ещё глубже, то можно обратить внимание на тройной рефрен «в дни» (см. приведённую выше часть №6) – понятно, что повторами нередко маркируются ключевые фрагменты. Этот словоблок – единственный, трижды повторённый в рассматриваемом стихотворении. Слово «дни» могут ассоциативно навести на связь стихотворения Волошина ещё с одним обличительным литературным документом, направленным против революции, – хроникой «Окаянные дни» Ивана Бунина. Эти очерки начали печататься за границей с июня 1925 года, стихотворение Волошина тоже датируется 1925 годом, но предположительно. Может быть, снова шифр? В

самом деле, почему именно «в дни»? Ведь революционные события в Крыму растянулись на сроки, гораздо большие? Понятно, что здесь скорее обобщённое понятие, и всё же... Пусть даже перед нами случайность, но и она любопытна. И тем более любопытна, что в тексте «Окаянных дней» есть и упоминания о Волошине:

«13 апреля.

Вчера долго сидел у нас поэт Волошин. Нарвался он с предложением своих услуг (“по украшению города к первому мая”) ужасно. Я его предупреждал: не бегайте к ним, это не только низко, но и глупо, они ведь отлично знают, кто вы были ещё вчера. Нёс в ответ чепуху: “Искусство вне времени, вне политики, я буду участвовать в украшении только как поэт и как художник”. В украшении чего? Виселицы, да ещё и собственной? Всё-таки побегал. А на другой день в “Известиях”: “К нам лез Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам...” Теперь Волошин хочет писать “письмо в редакцию”, полное благородного негодования.

Еще глупей».

Почему бы не предположить, что Бунин поделился с Волошиным идеей своих записок? Быть может, и будущее название озвучил уже тогда?

Ну а что касается самого выражения: «Слава – солнце мёртвых», то это цитата из повести Бальзака «Поиски Абсолюта» (1834). Приведём фрагмент из первоисточника:

«При этих словах Клаас уронил седую голову и закрыл лицо рунами.

– И ничего ты не добьёшься, кроме позора для себя, нищеты для детей, – продолжала умирающая. – Уже зовут тебя в насмешку Клаас-алхимик, а позже скажут: Клаас-сумасшедший! Я-то в тебя верю. Я знаю, что ты велик, учён, гениален; но для толпы гениальность подобна безумию. Слава – солнце мёртвых; при жизни ты будешь несчастен, как все великие люди, и разоришь детей. Я уйду, не порадовавшись твоей известности, которая утешила бы меня в утрате счастья».

Сочетание «солнце мёртвых» в качестве названия использовано не только Шмелёвым, но и одним из французских писателей. На такую «омонимию» обратили внимание уже критики-эмигранты в момент выхода эпопеи в свет, так, М. Бенедиктов в 1924 году отмечает: «...любопытное совпадение: совершенно так же озаглавил французский писатель Камилл Моклер свой последний роман: “Le Soleil des morts”»)» [1, с. 3].

Подводя итоги, отметим, что явно прослеживающаяся в стихотворении «Поэту» тема революции кажется выраженной хотя и по большому счёту имплицитно, однако проявляется в целом ряду межтекстовых связей так, что может быть признана твёрдо установленной. В этом «революционном контексте» совсем иное звучание приобретает весь образный строй текста, поэтому употреблённое здесь сочетание «солнце мёртвых» помимо очевидной связи с произведением Бальзака (быть может, установленной Волошиным «для отвода глаз»?), приобретает совершенно чёткие ассоциативные сцепки с текстом Шмелёва. Тем более, что тема жесточайшего большевистского террора в Крыму по известным причинам была весьма острой для Волошина в начале 20-х. К ней он неоднократно обращался напрямую, ей же он мог посвятить и «шифрованные» строки, предназначенные лишь для посвящённых.

Список литературы

1. Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Окно». Книга третья // Последние новости. 1924. 8 мая. № 1239. – С. 3. Цит. по: <http://www.emigrantika.ru/bib/801-pom>
2. Гуль Р. Я унёс Россию: Апология эмиграции: В 3 т. – Нью-Йорк, 1981–1989. Доступна в Интернете по ссылке: http://www.dk1868.ru/history/gul_ogl.htm
3. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. – М.: «Диалог МГУ», 1997. – 146 с.

4. Курбанова О.В. Концепты цвета в лирике Максимилиана Волошина // *Концепт: Научно-методический электронный журнал*. 2013. Т. 3. – С. 866–870.

5. Пинаев С.М. Ориентализм в творчестве М.А. Волошина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика*. 2012. Вып. 4. – С. 35–43.